

УДК 81,373.49
ББК Ш 164.3(2Рос.Калм)

Г.С. Биткеева

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЭВФЕМИЗМА
«ЯЗЫК ЖЕНЩИН-
КАЛМЫЧЕК»**

Разновидность эвфемизмов, которой посвящена статья, возникла на основе социокультурных традиций, представляющих общечеловеческую ценность в отношениях людей в обществе по родственным и половозрастным признакам. Языковой основой эвфемизмов послужило табу личных имен старших родственников мужа вплоть до девятого колена. Калмыцкие имена часто производны от обычных слов. При созвучии с именем они также подлежали табу. Поэтому значительна роль эвфемизмов в развитии лексической системы языка.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, социокультурные, лингвистические основы, функционирование, влияние на систему языка.

Биткеева Гренада Сариевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Калмыцкого государственного университета
Тел.: (847) 27471
e-mail: mingijan@land.ru;
mingo66@pochta.ru

© Г.С. Биткеева, 2010 г.

Проблемам эвфемизмов в последнее время стали уделять все больше внимания, что связано, безусловно, с необходимостью исследования языка в контексте с социокультурными аспектами его развития. Достаточно назвать здесь наименования только некоторых работ, посвященных эвфемизмам, вышедших в свет в последнее время. Это работы В.В. Андреева [2005], В.П. Москвина [2001], Е.П. Сеничкиной [2006], Г.С. Биткеевой [2007] и др. Надо отметить, что исследователи находят новые разновидности эвфемизмов в разных языках, проводят работы по систематизации и классификации их. Если прежде табу и эвфемизм считались явлениями, характерными для языков, носителей которых относили к отсталым в социально-экономическом отношении групп обществ, то сегодня не вызывает сомнения, что эвфемизм свойствен всем языкам. Кроме того, в разных языках сфера функционирования их также имеет свои особенности в зависимости от языка, где он проявляется. Причина такого расхождения состоит не в социальных и экономических устройствах общества, а в сложившихся языковых особенностях, обусловленных больше традициями культуры носителей языка [Фрэзер, с. 196–250].

Очень много эвфемизмов и в калмыцком языке, они привлекали внимание исследователей [Небольсин, с. 96, Aalto, s. 229–233, Бардаев; Эрдниев]. Эвфемизмы довольно сильно отличаются между собой

по породившим их причинам, условиям и времени их употребления. Настоящая работа посвящена такой специфической разновидности эвфемизмов, как «язык женщин-калмычек». Лингвистической основой возникновения и функционирования их были имена старших родственников мужа, особенно по мужской линии родства, которых должна была табуировать женщина-калмычка. Итак, женский эвфемизм калмычек базировался на табу имен всех старших родственников мужа до девятого колена.

Однако, если бы речь шла о табуировании личных имен только здравствующих старших родственников мужа, да к тому еще, если бы функционирование такого табуирования ограничивалось бы только определенным условием, например присутствием носителей табуируемых имен, то интерес к этой проблеме был бы скромнее.

Чтобы приблизительно представить масштабы охвата женским эвфемизмом различных аспектов системы языка, следовательно, и сферы функционирования эвфемизма «язык женщин-калмычек», необходимо показать принципы и условия табуирования личных имен.

Во-первых, в число табуируемых личных имен входили личные имена старших родственников мужа, не только здравствующих, но и родственников, давно ушедших из жизни, включая всех предков минимум до седьмого колена. Следовательно, это были имена родителей мужа, прапородителей и прапрапородителей и так далее обычно до девятого колена.

Таким образом, число имен, которые должна была табуировать женщина, было весьма внушительным. Если подсчитать число имен прямых предков мужа по отцовской и материнской линии родства, т.е. отец, мать, бабушка, дедушка и так далее по седьмое колено, то получается довольно большая цифра – более шестисот имен, а до девятого колена почти в два раза больше. Это все имена, озвучивание которых для невестки было запретным.

Во-вторых, число запретных для произношения невестки имен этим не ограничивалось. Табу подлежали, хотя не в такой строгой форме, и имена других родственников, например имена дальних родственников матери мужа, в том числе далеких предков. Кроме того, табу подлежали имена и побочных родственников мужа – старших братьев и дядей мужа и других родственников. Правда, табуирование имен далеких побочных родственников мужа было делом выбора невестки. Если, конечно, не навязывали ей новые воспитатели из числа знающих традиции культуры старших представителей новой большой семьи. В роли таких воспитателей обычно выступали уважаемые старшие представители женского пола. Какими бы ни были требования табу и эвфемизмов личных имен, женщины-калмычки табуировали имена родственников и придумывали соответствующие эвфемизмы. Это уже тысячи имен, которые должна была невестка избегать произносить.

В-третьих, табуированию подлежали и имена всех людей, независимо от их родственных отношений к членам семьи, если их имена совпадали или только были созвучны с именами старших родственников мужа. Женщина-калмычка не могла произнести имя гостя или даже путника, который заглянул к ним, чтобы утолить жажду, если оно совпадало с именем старших родственников мужа или даже только было созвучно с ним. Таким образом, невестка табуировала имена посторонних людей, которые не только не имели родственные отношения с ее семьей, но были совершенно чужими и даже неизвестными людьми. В этом случае действовали правила, продиктованные табу на личные имена старших родственников мужа.

В-четвертых, число табуируемых лексических единиц, следовательно, и число образуемых женщинами-калмычками эвфемизмов безмерно увеличивалось благодаря другим факторам, связанным, например, с образованием личных имен. Имена у калмыков могли быть образованы от основ самых простых слов – это наименования предметов домашнего обихода, названия животных, растений, природных явлений, название частей тела человека и животных, слова, выражающие абстрактные понятия и др. Примеры: *Шаньн* «ковш», *Хээн* «котел», *Арслэ* «лев», *Чон* «волк», *Минжэ* «бобер», *Ноха* «собака», *Темэн* «верблюды», *һалун* «гусь», *Така* «курица», *һаха* «свинья», *Шовун* «птица», *Меклэ* «лягушка», *Башаңк* «вобла», *Мэ* «селедка», *Шалвр* «брюки, шаровары», *Кишлэ* «рубашка», *Махла* «шапка», *Товч* «пуговица», *һол* «река», *Нур* «озеро», *Дала* «океан», *Төмр* «железо, металл», *Зула* «темь», *Нидн* «глаз», *Тоха* «локоть», *Хамр* «нос», *Чеежэ* «грудь», *Манна* «лоб», *Чикн* «ухо», *Шуурһн* «буран, пурга», *Цаста* «со снегом», *Хаша* «забор», *Арһсн* «кизяк», *һал* «огонь», *Көлтэ* «имеющий ногу», *Шаальг* «медные деньги», *Нарн* «солнце», *Одн* «звезда», *Хөдч* «чабан», *Малч* «скотовод», *Адуч* «коневода», *Шарлэһн* «бурьян», *Буурлдан* «попынь», *Цаһан* «белый», *Хар* «черный», *Көк* «синий», *Шар* «желтый», *Улан* «красный», *Бор* «серый», *Ноһан* «зеленый» и др.

Имена людей могли совпадать с числительными, прилагательными и другими частями речи или образованы от них, например *Тавн* «пять», *Зурһан* «шесть», *Долан* «семь», *Нээмн* «восемь», *Йисн* «девять», *Арвн* «десять», а также *һуна* от основы *һе-* «три», *Дөһнэ* от основы *дө-* «четыре», *һуча* от основы *һуч-* «тридцать», *Далнта* «имеющий семьдесят», *Найнта* «имеющий семьдесят», *Жирнта* «имеющий шестьдесят».

Естественно, что женщине-калмычке надо было ежедневно и многократно произносить эти и другие слова. И они произносились ею, если они не совпадали с подлежащими табуированию именами или были не созвучны с ними. Однако такой случай в калмыцких условиях практически был исключен. И женщине-калмычке приходилось добрую половину, если не больше, лексики калмыцкого языка табуировать и произносить только образованные по определенным правилам эвфемизмы.

Одна из причин табуирования личных имен кроется, возможно, в том, что калмыки придавали большое значение имени человека, а во многих случаях даже сакральное значение. Хотя многие имена присваивались детям, как кажется, довольно просто. Иногда было достаточно встретить сразу после рождения ребенка какого-нибудь человека, можно было ожидать, что ребенку присвоят имя встретившегося человека. Например, Чингис-хана звали Темучином, значение исходного слова означает «пастух верблюдов». И это было имя путника, который остановился на ночь у родителей младенца.

Иногда появление нового имени могло быть обязанным какому-нибудь природному явлению, появлению новых примет, например, когда родился будущий руководитель Монгольской Народной революции 1921 г. Сухэ-Батор, отец его отправился в лес за дровами и там нашел топор. Это была для монголов хорошая примета, поэтому сыну своему он присвоил имя *Сухэ*, позже добавилось еще *Батор* (по-монгольски *баатар* «богатырь, герой»). Такими же мотивами нередко руководствовались при наречении именем ребенка и калмыки. Естественно, было много и других мотивов. Очень часто право наречения детей каким-нибудь именем предоставлялось священнослужителю – буддийскому монаху. Сейчас эта практика возобновилась.

Но было много и других мотивов наречения именем новорожденного. К их числу относятся личные имена, в основе употребления которых положены табу и эвфемизмы. Иными словами, они изначально представляли собой имена-эвфемизмы, но эвфемизмы совершенно иного типа, чем эвфемизмы «язык женщин-калмычек». Во-первых, требования к соблюдению правил и условий табуирования были не такими строгими, как табу имен старших родственников мужа для невестки. Во-вторых, мотивами создания табуированных имен и наречения ими детей были совершенно иными. Поэтому они отличаются от эвфемизма «язык женщин-калмычек», не только по мотивам их возникновения, но и по сфере, условиям их употребления. Основным мотивом наречения детей такими эвфемистического характера именами была традиция, согласно которой калмыки считали, что имя имеет большое значение в жизни человека, особенно в его детском возрасте. Соответственно чему имена должны быть словами с семантикой, выражающей или твердость, устойчивость, или скромную непривлекательность. И тут калмыки прибегали к крайностям: с одной стороны, нарекали именами, образованными от основ, выражающих своим семантическим содержанием понятия «бесстрашие», «твердость», «храбрость», например *Арслң* «лев», *Чон* «волк», *Бух* «бык», или с семантикой, выражающей непоколебимость и устойчивость: *Чолун* «камень», *Болд* «сталь», *Төмр* «железо, металл» и др. Кроме того, популярны у калмыков имена-пожелания типа *Жиръл* «счастье, счастливая жизнь», *Амулң* «спокойствие, мир», *Байн* «богатый». С другой стороны, имена носили нередко завуалированный характер, с пониженной семантикой. Та-

кой принцип был продиктован желанием скрыть от недобрых духов истинное лицо появившегося на свет нового младенца. Так, очень частыми были имена, образованные, например, от слова *му* – «плохой». Ср.: имена типа *Мууня, Муучка, Муухн, Муушк, Муузра, Муука, Муула, Мууша, Муухла, Муузын, Муута, Муутла, Муута, Мууча, Мууза, Мууха* и др. Исходной основой этих и других имен является прилагательное *му*. Иногда степень табуирования ребенка усиливалась путем сочетания слова *му* с другими словами, например, *Му Кййкн* – «букв. «плохая девочка». Причем таким именем нарекали, как правило, ребенка мужского пола. Это не что иное, как двойное табу, которое призвано скрывать пол ребенка, выдавая мальчика за девочку, а также представлять его каким-то плохоньким ребенком. Есть еще имена: *Му Көвйн* «плохой мальчик», *Хар Көвйн* «черный мальчик», *Хар Кййкн* «черная девочка», в смысле «невзрачная», *Му Ноха* «плохая собака». О широком использовании этого принципа при наречении именем детей свидетельствуют сегодня и многочисленные фамилии, образованные от таких имен, например, *Муниев, Мучкаев, Музраев, Мушаев, Мухлаев, Мукебенов, Харкебенов, Мукуженов* и др.

Способы образования эвфемизма «язык женщин-калмычек». В чисто лингвистическом отношении вызывают определенный интерес основные принципы образования эвфемизмов «язык женщин-калмычек». Они основаны на фонетических, лексических, синтаксических законах языка, разработанных применительно к этому типу эвфемизмов. Наиболее простым, потому очень удобным, является фонетический способ образования эвфемизмов. Но он не был универсальным, поскольку не мог быть использован применительно к именам, начинающимся с гласного и многих согласных.

Фонетические принципы. Одним из известных фонетических способов образования эвфемизма личного имени является замена начального согласного имени на согласный *й*. Но он образуется путем замены начального согласного имени, если им являются согласные *б, п, м, к, с, ц, х, ь, г, ж*. Примеры: *Баатр – Йаатр, Пйрвй – Ййрвй, Босха – Йосха, Церн – Йерн, Мөңк – Йөңк, Сарң – Йарң, ьола – Йола, Хйрмй – Ййрмй, Көк – Йөк, Жоһа – Йоһа*.

Другим фонетическим способом образования эвфемизма от личных имен является произношение имени без начального согласного, когда в следующем слове содержится согласный *й*, например, *Байн – Айн*, а также когда в следующем слове имеется губной согласный, то эвфемизм образуется путем исчезновения начального согласного *б*, например *Боова – Оова*. И все же в большинстве случаев этот способ образования эвфемизмов является факультативным, например *Санж – Анж, Лиж – Ижэ, Сеңглэ – Эңглэ*.

Лексико-семантический способ образования эвфемизма «язык женщин-калмычек». При табуировании слов в качестве эвфемистической замены женщинами-калмычками используются следующие принципы:

замена синонимами, которыми могут быть и заимствованные из других языков слова, а также слова, обозначающие части и целое, общее и отдельное, родовое и видовое, эвфемизмы могут быть образованы путем взаимной замены словами, обозначающими смежные понятия. Другим способом образования эвфемизмов является метафоризация слов на основе сходства обозначаемых явлений по признакам сходства по цвету, форме и другим показателям. Когда бывает, что исчерпаны все другие способы образования эвфемизмов, нередко прибегают к описательной передаче запретного слова, раскрывая таким способом семантическое содержание табуируемого понятия. Примеры: *чирэ* – *нур* «лицо, физиономия» (синонимы), *коошк* в м. *мисс* «кошка», *курк* в м. *така* «курица» (заимствования), *модн* «дерево» – *ац* «ствол» (общее и часть), *ааь* «чашка» – *шаазн* «фарфоровая пиала» (синонимы), *альмн* «яблоня, яблоко» – *кедмн* «груша (плод и дерево)», *шовун* «птица» – *ьалун* «гусь» (общее и отдельное), *маьна* «лоб» – *зула* «темя» (смежные части головы), *хар* «черный» – *бор* «серый» (близкие цвета) *сук* «топор» – *балт* «секира» (очень близкие по форме и функции орудия воинов), *мьрн* «конь» – *болд турутн* «имеющий стальные копыта», *темэн* «верблюды» – *хандь* «лось» (животные, имеющие внешние сходства по габариту) и др.

Социокультурные основы возникновения и функционирования эвфемизмов. Особый характер взаимоотношений людей в семье и обществе по определенным признакам свойствен всем народам. Отношения эти строятся по разным принципам, но в основном это признаки родственных отношений и половозрастные признаки. Взаимоотношения между родственниками в семье строятся у всех народов по определенным, обычно традиционным принципам, в основе которых лежат, как правило, близкое родство, например между детьми и родителями, прадедами. При этом довольно четко проводилось различие по отцовской и материнской линиям родства, о чем свидетельствуют и терминологические различия: родственники по отцовской линии, например дядя по отцу, называется *авга*, а дядя по материнской линии – *нагацха*. И во всем этом обнаруживается уважительное отношение детей к родителям, младших к старшим по возрасту людям. Об этом можно судить и по другим языковым данным. Калмыки строго дифференцировали людей по возрасту и полу, например, для обозначения понятий «сестра» и «брат» в калмыцком языке существуют разные слова в зависимости от того, является ли сестра старшей по возрасту или младшей. Для обозначения старшей сестры существует слово *эгч*, а старшего брата *ах*, тогда как младшая сестра и младший брат именуется словом *дү*, что значит «младший». Эти различия имели значение при воспитании детей с учетом дифференцирования взаимоотношения их по возрасту. Эти отношения подчеркивали не только различия в правах, но и ответственность старших за младших во всех случаях жизненных ситуаций.

Нетрудно заметить, что эвфемизм «язык женщин-калмычек» построен именно на основе уважительного отношения к родственникам по возрастному признаку. С той лишь разницей, что калмыцкий эвфемизм доведен до логического конца и носит почти абсолютный характер по охвату имен людей близкого и отдаленного родства многих поколений, включая сюда и одинаковые и сходные имена совершенно чужих незнакомых людей, а также самые обычные слова, созвучные с именами старших родственников мужа. И здесь трудно не согласиться с характеристикой исследователя калмыцкой культуры П. Небольсиним, согласно которому эвфемизм «язык женщин-калмычек» – это правило поведения, обусловленное традициями, этическими нормами [Небольсин, с. 218 – 219].

Для женщин-калмычек это есть одновременно и уважительное отношение ко всему роду, возведенное на уровень сакрального восприятия. Эти формы уважительного отношения несут в себе и признаки нравственного характера, как бы напоминая об ответственности родителей перед детьми, а также и ответственности невестки перед своей и большой семьей, которые являются неотъемлемой составной частью всего рода. Это была строгая система воспитания молодых калмыцких невесток, которая должна была помочь им адаптироваться в условиях новой семьи, а самое главное, чтобы чувствовали ответственность перед своей семьей, перед мужем и будущими детьми, их родом, к которому они сами уже принадлежали.

Употребление многочисленных эвфемизмов женщинами-калмычками в своей повседневной речи, которые, естественно, сопровождалось и церемониальным, вежливым поведением, создавали в семье и обществе благоприятную атмосферу взаимного уважительного отношения, призваны были порождать ауру доброты и гармонии в обществе.

Надо сказать, калмыки высоко ценили женщин в семье и считали, что добрая невестка приносит счастье в дом, гордились воспитанной, обходительной, вежливой невесткой, о чем свидетельствует и поговорка: «Умная, красивая жена – украшение и гордость семьи».

Литература

- Андреев В.В. Исследование именных частей речи в качестве эвфемизмов в художественных произведениях Э.Н.Гиппиус // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н.Татищева. Серия «Филология». Вып. 5. Тольятти, 2005. С. 129 – 135.
- Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985. 153 с.
- Биткеева Г.С. Роль эвфемизмов в историческом развитии языка // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007. С. 32 – 35.
- Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. 2001. № 3.
- Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб, 1852.
- Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. М., 2006. 139 с.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1984.
- Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1985. 282 с.
- Aalto P. Über die Kalmückische Frausprache // Studia Mongolica. T. II, 1, 16. Ulan-Bator, 1961. S. 229 – 233.